

История без владельца

Влад Велирский

Влад Велирский

История без владельца

«Автор»

2026

Велирский В.

История без владельца / В. Велирский — «Автор», 2026

Архив голосов готовят к продаже, но у его самой известной записи исчезло главное — доказанное согласие человека, чья жизнь превратилась в публичную легенду. Редактор Нина Ратова сама создала популярный монтаж «Человек, который вынес имена». Теперь за десять дней ей предстоит пройти вниз по реке по следу старой выездной студии, найти владельца голоса и восстановить цепочку решений, которую архив, музей, журналисты и благотворители подменяли хорошими намерениями. Каждая находка делает запись полезнее для общества — и всё менее бесспорно принадлежащей ему. Когда Нина добирается до затопляемого Левого Берега, ей приходится предъявить не только чужие нарушения, но и собственные: вырезанную оговорку, переставленное сомнение, сокращённую паузу. Вернуть историю оказывается труднее, чем спасти её от забвения, потому что владелец не обязан принимать ни славу, ни благодарность, ни чужую версию себя.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пустая катушка	7
Глава 2. Человек, который вынес имена	12
Глава 3. Три экземпляра	17
Глава 4. Отзыв	22
Глава 5. Билет до устья	27
Глава 6. Голос матери	32
Глава 7. Строка, вырезанная дважды	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Влад Велирский

История без владельца

От автора

Чужую историю легко принять за подарок. Человек рассказал — значит, разрешил слушать. Разрешил слушать — значит, не возражает против записи. Согласился на запись — значит, её можно хранить, сокращать, цитировать и передавать дальше. На каждом переходе смысл меняется почти незаметно. В конце остаётся уверенность, что однажды произнесённые слова уже принадлежат всем.

Этот роман начинается в точке, где такая уверенность перестаёт работать.

У рассказа может быть много участников. Один человек прожил событие. Другой услышал его и сохранил голос. Третий выбрал фразы и выстроил последовательность. Четвёртый нашёл в ней утешение или доказательство. Пятый заплатил за право показать её аудитории. Каждый внёс что-то настоящее, но ни один вклад сам по себе не даёт власти над целым.

Архивы обычно кажутся местом, где прошлое защищено от исчезновения. Однако сохранение тоже состоит из решений. Какое имя оставить? Какую паузу вырезать? Считать ли молчание техническим браком? Можно ли повторно использовать старое согласие, если новая публикация обращается к другой аудитории и преследует другую цель? Эти вопросы не отменяют ценности памяти. Они показывают её цену.

Особенно трудно заметить власть редактора. Он не обязан добавлять ложь, чтобы изменить человека в записи. Достаточно передвинуть сомнение ближе к началу, убрать повтор, закончить на решительной фразе вместо усталого возражения. Отдельные слова останутся подлинными, но их общий жест станет другим. Чем лучше работает такая версия, тем сильнее искушение считать пользу подтверждением правильности монтажа.

Героиня романа знает это ремесло и любит его. Она не похищает кассету ночью и не продаёт чужую тайну из очевидной корысти. Она делает работу, которую окружающие называют важной, и получает результаты, которые можно показать: люди узнают забытые имена, находят друг друга, начинают говорить о пережитом. Именно поэтому ей трудно признать нарушение. Ущерб, совершённый ради понятной пользы, редко выглядит в собственных глазах присвоением.

В центре книги — запись, которую знают многие, хотя никто не может уверенно доказать, кому она принадлежит. У неё есть звучащий голос, несколько редакторских версий и общественная репутация. Нет только непрерывной цепочки разрешений. Сотрудница архива отправляется искать владельца, но дорога быстро перестаёт быть простым установлением имени. Ей приходится различать человека, событие, запись, монтаж и пользу, которую из этого извлекли другие.

Повторяющийся образ романа — пустая катушка. Она вращается, аппарат работает, время идёт, а голоса нет. Пустоту легко счесть потерей: неисправностью, небрежностью, провалом памяти. Но иногда отсутствие звука означает, что кто-то вовремя остановил запись. Тогда тишина становится не дырой в свидетельстве, а соблюждённой границей.

Мне хотелось написать не спор между памятью и забвением, где одна сторона заранее права. Общее прошлое действительно нуждается в свидетельствах. Частный человек действительно может отозвать согласие, передумать, уточнить условия или отказаться быть вечным персонажем той минуты, которую когда-то записали. Между этими позициями нет решения, подходящего для всех случаев. Есть только обязанность снова задавать точный вопрос: кто разрешил, что именно, кому, для какой цели и на какой срок.

Поэтому путь героини проходит не через символические уроки, а через последствия чужих действий. Семья считает запись наследством. Музей — частью городской памяти. Журналист — материалом, однажды переданным редакцией. Фонд — общественно полезным активом. Слушатели — историей, которая помогла им назвать собственный опыт. У каждого есть причина держаться за неё. У владельца голоса остаётся причина не узнавать себя в том, что стало знаменитым.

Река в романе соединяет эти версии, но не примиряет их автоматически. Вниз по течению уходят копии, слухи, вырезанные фразы и последствия решений, принятых выше. Вернуться к исходной точке невозможно: запись уже услышана, легенда принесла деньги, благодарность получила конкретное имя. Возвращение истории поэтому не означает восстановление нетронутого прошлого. Оно означает создание условий, при которых следующее использование больше не повторит прежнее насилие.

Читателю не потребуется выбирать между безупречным архивом и безупречным владельцем. В этой истории все участники ограничены собственным знанием, интересом и временем. Одни слишком легко называют память общей. Другие требуют стереть то, что затрагивает судьбы многих людей. Проверка начинается там, где общий лозунг заменяют отдельными вопросами и где удобная правота перестаёт освобождать от ответа.

Эта книга не предлагает уничтожать архивы из страха причинить вред и не оправдывает присвоение благими результатами. Она ищет более трудное действие: сохранить проверяемую память о сделанном, не превращая человека в приложение к его давнему рассказу.

Возможно, самая честная запись — не та, где слышно всё. Возможно, это запись, по которой можно установить и сказанное, и момент, когда аппарат был выключен.

Глава 1. Пустая катушка

К девяти утра на столе Нины лежали три предмета, которые прежде считались одной записью: коробка с катушкой, карточка каталога и договор на продажу архива.

Договор был новым, распечатанным на плотной бумаге с серыми закладками. Карточка пожелтела по краям и пахла пылью даже через прозрачный конверт. На коробке с катушкой чьей-то рукой было написано: «Человек, который вынес имена. Оригинал». Ни даты, ни фамилии. Под словом «оригинал» темнела дуга от мокрого пальца.

За стеной рабочие снимали с полок папки. Архив ещё не закрыли, но он уже звучал как помещение после закрытия: скрип тележек, шорох плёнки, удары отвёртки о металл. Пустые полки отзывались дольше заполненных.

Нина придвинула карточку к лампе.

В графе «Рассказчик» стояло: не установлен. В графе «Согласие» — наклонная черта. Ниже имелись четыре номера: первичная оцифровка, радиомонтаж, музейная версия, версия Нины для цикла «Голоса после воды». Последняя за три года набрала больше прослушиваний, чем весь остальной архив за десять.

Она знала запись наизусть. Мужской голос без имени рассказывал, как во время большого паводка вынес из диспетчерской список жителей прибрежных улиц. По этому списку потом устанавливали пропавших и погибших. В Нининой версии рассказ начинался с воды на лестнице, ускорялся вместе с шагами и завершался фразой: «Имена нельзя было оставить реке».

Эту фразу печатали на афишах и повторяли ведущие благотворительных вечеров. Нина гордилась: чужой голос пережил магнитную ленту, плохое хранение и равнодушие первых каталогизаторов.

Теперь программа проверки показывала напротив записи красный прямоугольник: «Основание использования отсутствует».

Нина открыла электронное досье. В папке «Согласия» лежали два файла. Первый оказался пустым шаблоном. Второй — служебной запиской десятилетней давности: «Разрешение предположительно получено выездной группой. Уточнить при повторном использовании».

Повторно запись использовали девять раз.

Она перечитала записку, словно слово «предположительно» могло при следующем взгляде превратиться в номер документа. Затем поднялась и подошла к шкафу первичных носителей.

На дверце висел лист с новыми обозначениями: зелёные наклейки — переходят покупателю без ограничений, жёлтые — требуют проверки, красные — спорный фонд.

Нина нашла номер катушки в бумажном журнале. Строка начиналась уверенно: «К-1147, паводок, выездная студия». Дальше почерк становился мельче. В колонке выдачи стояли инициалы трёх редакторов, в колонке возврата — четыре разные даты. Графу первичного приёма пересекало круглое пятно. Под ним угадывался только хвост буквы.

— Ратова, вы ещё здесь?

В дверях стоял Павел Нечаев, техник оцифровки. На шее у него висели наушники, одно ухо было заклеено синей изолентой. Он держал стопку пустых пластиковых футляров.

— Это обвинение или надежда?

— Это просьба освободить третий аппарат к обеду. Покупатель хочет контрольные копии.

Нина показала журнал.

— Ты снимал К-1147?

Павел не посмотрел на номер.

— Все её снимали. Она у нас бессмертная.

— Первичную оцифровку.

Он поставил футляры на пол и наклонился к строке.

— До меня. Но повтор делал я, когда ты собирала «Голоса после воды». Почему?

— Где согласие рассказчика?

Павел выпрямился. Вопрос заставил его посмотреть не на журнал, а на катушку.

— В карточке.

— В карточке черта.

— Значит, в папке экспедиции.

— Там пустой бланк и записка с просьбой уточнить.

Павел снял наушники. Без них лицо у него стало старше.

— Тогда зачем ты спрашиваешь меня?

— Потому что ты не любишь, когда файл называют оригиналом. Ты всегда говоришь: оригинал — это носитель, а файл только снятая с него версия.

— И что?

— У нас четыре версии голоса и ни одной версии разрешения. Я хочу понять, потеряли мы бумагу или её не было.

Павел помолчал, затем взял коробку. Проверил номер на торце, осторожно повёл ногтем по старому скотчу.

— Пломбу снимали до поступления. Ленту перекладывали. Видишь царапины на втулке? Катушка не родная.

— Голос мог прийти отдельно от коробки?

— Мог. Коробки меняли, когда промокали. Катушки — когда трескались. Куски ленты склеивали. Твои редакторы резали копии, но до цифровой эпохи иногда резали и рабочий экземпляр. Здесь слово «оригинал» означает только «самое старое из того, что осталось».

Нина почувствовала раздражение, хотя Павел говорил именно то, что ей требовалось услышать.

— Поставь её.

— Третий аппарат нужен фонду.

— Сначала мне.

— Они уже приехали.

Как подтверждение, в коридоре стихли отвёртки.

Глеб появился с папкой под мышкой. За ним шла юрист фонда Ларина. На пороге он оценил катушку в руках Павла и красный прямоугольник на Нинином экране.

— Нашли главную проблему дня? — спросил он.

— Главную запись архива, — ответила Нина.

— Для меня сейчас это одно и то же.

Он положил договор поверх каталожной карточки. Нина сняла его, не дав бумаге закрыть старую запись.

— У неё нет исходного согласия.

— У половины ранних поступлений согласия оформлены не по нынешней форме.

— Не по форме — это когда документ есть. Здесь его нет.

Ларина подняла взгляд от планшета.

— Есть подтверждённая история публичного использования, отсутствие претензий и общественный интерес.

— Это история нашей уверенности, — сказала Нина. — Не его согласия.

Глеб прошёл к окну. Во дворе грузчики обматывали плёнкой металлические шкафы.

— Три недели назад вы убеждали совет, что продажа спасёт архив, — сказал он. — Привели именно эту запись как доказательство того, что старые голоса работают сегодня. Пока-

зали письма семей, статистику прослушиваний, сборы на поиск пропавших. Совет согласился. Теперь вы хотите объявить доказательство непригодным?

— Я хочу установить, кто и на что соглашался.

— До передачи осталось десять дней. За десять дней мы должны разделить сорок тысяч единиц на доступные, ограниченные и спорные. Если каждую запись проверять как уголовное дело, здание освободят раньше, чем мы закончим первую полку.

Нина повернула к нему экран. Красная отметка казалась слишком яркой на фоне бледной карточки.

— Эта запись не каждая.

— Именно поэтому она не может исчезнуть из публичной коллекции из-за потерянного листа.

— Вы уже решили, что лист потерян. А если его никогда не было?

— Тогда его отсутствие сорок лет никому не мешало.

— Мы не знаем, кому оно мешало. В карточке нет имени.

Глеб устало потёр переносицу. Нина заметила на его манжете серую пыль от коробок. Он не только отдавал распоряжения: с утра сам перебирал фонд радиопередач, и это мешало представить его человеком, которому нужны лишь активы.

— Хорошо, — сказал он. — Что вы предлагаете практически?

— Поднять все носители. Сверить монтажные листы, журнал выдачи, папку выездной студии. Найти маршрут записи и владельца голоса.

— За сколько?

— Не знаю.

— Тогда ответ знаете. Десять дней. К моменту подписания передаточного акта либо вы показываете человека или документ, позволяющий определить условия использования, либо К-1147 уходит в спорный фонд.

Спорный фонд означал закрытое хранение без публикаций и новых копий. Ссылки на её монтаж отключат, музей снимет аудиодорожку.

— На какой срок?

— До появления доказательств.

— То есть навсегда.

— Возможно.

— Вы только что говорили, что она не может исчезнуть.

— Я говорил, что не позволю ей исчезнуть из-за удобного жеста. Но фонд не купит вместе с архивом бесконечный спор, в котором никто не отвечает за решение. Хотите сохранить запись в доступе — установите основание. Не установите — я закрою её и приму удар на себя.

Глеб предпочёл бы оставить голос открытым, но не хотел получить коллекцию, где исключения решались настроением редактора. Прежняя версия разговора — покупатель давит, архив защищает — больше не годилась.

— Отсчёт от сегодняшнего дня? — спросила она.

— От вчерашнего. Вы получили таблицу вечером.

— Значит, девять.

— Десять, если сегодня вы перестанете доказывать мне арифметику и начнёте искать.

Глеб кивнул Павлу на аппарат.

— Сделайте контрольную копию. Ничего не чистить и не выравнивать. Все промежуточные файлы сохранить.

— Копию нельзя передавать за пределы архива, — сказала Нина.

Ларина коснулась планшета.

— До акта она останется на вашем сервере.

— А после?

— После будет зависеть от результата проверки.

Глеб забрал договор и вышел. Юрист задержалась на секунду у карточки, прочитала пустую графу и ничего не добавила.

Павел дождался, когда шаги стихнут.

— Девять или десять?

— Ставь катушку.

Он отнёс коробку к аппаратной. Нина пошла следом, хотя обычно слушала оцифровки в кабинете. Ей хотелось видеть движение ленты.

Аппарат занимал половину стола. Павел протёр направляющие, надел тонкие перчатки и закрепил полную катушку слева. Справа поставил пустую — светлую, почти прозрачную. Лента легла между ними узкой коричневой полосой.

— Если посыплется, останавливаю, — предупредил он.

— Она же бессмертная.

— Это про файл. Лента смертная.

Первые секунды были заполнены ровным механическим шорохом. Затем кто-то далеко от микрофона произнёс номер, но цифры утонули в щелчке. Раздался женский голос:

— Можно начинать?

Мужчина ответил неразборчиво.

Нина наклонилась к динамику. В знакомой публичной версии первой звучала вода. Здесь перед рассказом двигали стул, проверяли провод, дважды спрашивали, не мешает ли открытое окно. Мужчина кашлянул и сказал:

— Только вы сначала объясните, куда это потом.

Павел посмотрел на Нину. Она подняла ладонь: не останавливать.

Женщина у микрофона ответила:

— Для хранения. Если понадобится передача, отдельно решим.

Дальше лента хрустнула на старой склейке. Несколько слов пропали. Мужчина переспросил:

— Отдельно со мной?

После паузы женщина сказала:

— Постараемся найти.

Нина записала время на листе: 00:01:43. Рядом — «хранение / передача отдельно». Рука остановилась. Это не было согласием даже в самом широком смысле. Скорее обещанием вернуться к согласию позже.

Голос начал рассказ. Пока без воды, без списка, без фразы с афиши. Он говорил о тесной диспетчерской, о чайнике с белой ручкой, о том, как радиостанция замолчала раньше света. Нина узнавала отдельные предложения, но не человека между ними. В её монтаже он не поправлялся, не спрашивал, можно ли закурить, не называл даты двумя разными годами.

Павел следил за натяжением. Пустая катушка справа медленно принимала ленту, заполняясь записанным временем.

На восьмой минуте голос оборвался. Остался шорох механизма. Нина ждала, что через несколько секунд рассказ продолжится, но катушка вращалась молча.

— Пропуск? — спросила она.

— Лента целая.

— Сколько там?

Павел посмотрел на счётчик.

— Пока сорок секунд.

Минута. Две. В аппаратной было слышно, как за стеной рабочие тащат шкаф и спорят, пройдёт ли он в дверь. На ленте — только сухое движение тракта и слабый повторяющийся толчок.

— Перемотай до конца паузы.

— Ты просила ничего не пропускать.

Нина села. Катушка продолжала вращаться. Пустота требовала времени так же настойчиво, как речь, и впервые она не могла ускорить её без ощущения, что снова редактирует до понимания.

Через пять минут женский голос произнёс совсем близко:

— Продолжим?

Мужчина ответил:

— Теперь можно.

Рассказ возобновился со слов о воде на нижней ступени.

Нина провела пальцем по записи времени. В монтажном листе радиоверсии этой паузы не было. Там стояла помета: «брак — 5:04». В её собственном проекте исходный файл начинался позже, уже с воды. Она никогда не слышала вопроса о будущем использовании и не знала о пяти минутах молчания.

Но кто-то слышал. Кто-то назвал молчание браком, а неопределённое обещание — достаточным разрешением. После этого остальные получали всё более удобный материал и всё меньше причин вернуться к началу.

— Сделай три файла, — сказала она. — Полный перенос без обработки. Отдельную контрольную копию. И спектр механического шума на паузе.

— Зачем спектр?

— Хочу понять, на том же аппарате она записана или вставлена позже.

— А если на том же?

Нина посмотрела на светлую катушку. Теперь она была почти наполовину заполнена, но всё ещё казалась пустой: прозрачные щёки скрывали тонкую ленту, и только вращение выдавало, что время переходит с одной стороны на другую.

— Тогда будем искать не пропавший кусок, — сказала она. — Будем искать человека, который попросил остановить запись.

Она вернулась в кабинет и сняла с коробки красную наклейку. Не выбросила — приклеила на край монитора, чтобы не забыть срок. В таблице проверки рядом с К-1147 были два варианта: «перевести в спорный фонд» и «подтвердить основание использования».

Нина не выбрала ни одного.

Она создала новую строку: «Установить владельца голоса и условия первичной записи». Программа подсветила её жёлтым: формулировка не соответствовала справочнику.

За стеной снова заработали отвёртки. Архив продолжали разбирать. До передачи оставалось десять дней по версии Глеба и девять по календарю. У Нины были катушка, четыре монтажа, пустая графа и пять минут, которые все до неё сочли отсутствием материала.

Она открыла журнал выдачи на первой странице и начала выписывать имена тех, кто касался записи раньше неё.

Глава 2. Человек, который вынес имена

Первым в списке К-1147 стоял умерший редактор. Второй — уехавшая из страны женщина. Третьей была Нина.

Она перечитала свои инициалы, хотя узнала почерк сразу. «Н. Р. — мастер, монтаж, возврат». Коробку тогда выдали ей вместе с цифровой копией и старым радиомонтажом. В журнале не было сказано, какую именно версию она получила на рабочий диск.

В папке проекта появились знакомые названия: «водачисто», «лестницадубль», «имена-финал», «геройкоротко». Последнее слово резануло сильнее красной отметки. Она не помнила, кто назвал файл героем. Возможно, она сама.

Её версия длилась одиннадцать минут сорок секунд, полный перенос — пятьдесят семь минут. Нина поставила файлы рядом. Исходник дышал длинными неровными промежутками. Монтаж стоял плотной стеной, где паузы оставляли ради усиления фразы.

Она нажала воспроизведение своей версии.

Сначала плеснула вода. Этот звук Нина взяла не с катушки: в проекте лежала отдельная запись, сделанная на столичной набережной в ясный сентябрьский день. Потом вступил мужчина:

— К утру вода была на нижней ступени. Я понял: если останусь, список уйдёт вместе со зданием.

Дальше он называл улицы. После каждой второй Нина поставила короткий стук — дверь, ящик, доска под ногой. Она помнила, как искала ритм. Без него перечисление казалось слушателям слишком длинным. С ним список превращался в путь человека по затопленному дому.

В левой дорожке те же слова находились на тридцать второй минуте. Перед ними мужчина семь раз уточнял, о каком дне спрашивает интервьюерка. Он говорил, что уровень воды сначала падал, потом поднялся после открытия верхнего затвора. Признавался, что часы в диспетчерской остановились и он не уверен, было ли утро. Фраза «я понял» появилась гораздо позже и относилась не к списку.

Нина поставила метку. В старом редакторском решении стояло: «Собрать ясную хронологию. Убрать технические колебания». Под ним — её фамилия.

Она выключила свою версию и стала слушать исходник с того места, где рассказчик впервые упомянул список.

— Там листы были, — сказал он. — Не один список, а ведомости. По домам. Кто дежурит, у кого лодка, кто сам не выйдет. Я их до этого ругал: всё переписывают, а толку никакого.

Женщина спросила:

— Вы сразу решили вынести их?

— Нет.

— Но ведь благодаря вам потом нашли людей.

— Благодаря бумаге нашли. Я её не писал.

— Но вынесли вы.

— Вынес.

После этого слышно было, как мужчина потёр ладонью щеку. Нина узнала звук только потому, что теперь слушала в наушниках Павла, не выровненных и не очищенных. Интервьюерка подождала, затем спросила, сколько человек он спас.

— Я людей не выносил, — ответил мужчина.

В монтаж Нины попало следующее предложение: «Я вынес имена».

Она остановила запись.

Фразу про имена Нина вынесла в заголовок ещё при первом прослушивании. Но тогда перед ней не было отрицания. Рабочий файл начинался словами интервьюерки: «Но вынесли вы», затем шла склейка, дыхание и: «Я вынес имена».

Нина нашла полученный ею файл. Дата создания была на четыре года старше проекта. Значит, отрицание убрали до неё. Она могла сказать себе, что не знала. Это было правдой — и не объясняло, почему она добавила воду, шаги и название, от которого человек не смог бы отделаться, даже назови он своё имя.

В дверь постучали раскрытой ладонью. Павел вошёл, не дожидаясь ответа, и положил на стол распечатку спектра.

— Пауза записана тем же трактом, — сказал он. — Скорость не менялась, склейки внутри нет. Повторяющийся толчок — дефект ведущего вала. Он есть до и после молчания.

— То есть аппарат работал.

— Да. Не записывали только речь. Или люди молчали.

— Пять минут оба?

— Могли выйти из комнаты. По уровню фон меняется: дверь открывали два раза.

Он заметил две дорожки на экране.

— Решила полюбоваться?

— Решила понять, что получила и что сделала.

Павел придвинул стул. Нина включила отрывок: «Я людей не выносил». Потом свою версию с водой и фразой «Я вынес имена».

— Этого в мастерке не было, — сказала она.

— Отрицания?

— Да.

— Значит, резал тот, кто готовил радиовersion.

Нина показала список файлов.

— А слово «герой»?

Павел посмотрел на неё без снисхождения, и от этого стало хуже.

— Это имя файла.

— Это инструкция всем, кто открывал проект после меня.

— Музей взял мой мастер. Потом благотворительный фонд. Они не видели исходник.

— Они должны были запросить носитель и согласие.

— Они запросили готовую программу. Я подписала паспорт выпуска: исходная речь не искажена, фактическая последовательность сохранена.

Павел взял мышь и увеличил волну монтажной дорожки.

— Ты переставляла слова внутри предложений?

— Нет.

— Склеивала половины разных ответов?

— Нет.

— Тогда три года назад ты считала, что последовательность сохранена.

— Потому что события шли в том же порядке.

— А сейчас?

Нина включила исходник дальше.

Мужчина рассказывал, как вернулся к внутренней двери диспетчерской. За ней оставались двое связистов и женщина, пришедшая узнать о дочери. Дверь заклинило. Он попробовал поднять засов ломом, но вода ударила в нижнее окно. Интервьюерка спросила, слышал ли он людей.

— Сначала слышал.

— А потом?

— Потом бумагу собирал.

Он произнёс это без оправдания. Нина ждала продолжения, но вместо него началась та самая пятиминутная пауза.

В её версии дверь, связисты и женщина отсутствовали. Паузы тоже не было. После слов о воде сразу звучал перечень улиц, затем фраза, которую печатали на афишах: «Имена нельзя было оставить реке».

— Где она в оригинале? — спросил Павел.

Нина знала ответ. При подготовке проекта она нашла фразу в конце интервью, после вопроса о том, следует ли публиковать список. Сейчас переместила курсор на пятидесятую минуту.

— Имена нельзя было оставлять реке, — говорил мужчина. — Но и вам их нельзя просто брать. Там живые есть. Сначала спросите.

В монтаж вошла первая половина. Нина вырезала союз «но», потому что открывать финал возражением казалось слабым. Затем убрала просьбу спросить людей: она повторяла служебную оговорку, которую редакция обещала проверить отдельно. Оставшееся предложение она перевела из прошедшего времени в форму афиши — без голоса, типографским шрифтом.

— Нашла, — сказала она.

Павел не ответил.

— Скажи, что это сделал бы любой редактор.

— Любой редактор сделал бы по-разному.

— Спасибо.

— Ты просишь не правду, а место в очереди виноватых. Я могу поставить тебя третьей, если поможет.

Нина сняла наушники.

— Первым мёртвый редактор, вторым система, третьей я?

— Первым человек, который записал без ясного разрешения. Вторым — тот, кто отрезал отрицание. Потом тот, кто выдал сокращение за мастер. Потом ты. Потом музей. Потом все, кто не проверил. Получится длинный список. Только ответственность от этого не делится на меньшие куски.

Павел поднялся.

— Я оставлю полный перенос на закрытом диске. Не тащи его в общую папку: синхронизация фонда заберёт ночью.

— Глеб распорядился сохранять промежуточные файлы.

— Сохранять не значит раздавать. Пока акт не подписан, решай сама.

Он положил распечатку к журналу.

— Там внизу код аппарата. Старые техники иногда записывали его в маршрутных листах. Может пригодиться.

Нина внесла в таблицу ещё одну строку: «Проверить источник редакционного мастера». Потом открыла паспорт своего выпуска. В графе «этические ограничения» стояло: «Анонимизация соблюдена». В графе «условия использования»: «Открытый архив, просветительское и некоммерческое воспроизведение». Основанием был указан договор поступления К-1147 — тот самый пустой бланк, который сегодня лежал у неё на столе.

Она не заполняла эту графу вручную. Значение подтянулось из карточки. Но паспорт подписала она.

Позвонила Светлана Ивич из объединения семей пропавших. По записи они восстановили семнадцать имён, две семьи нашли могилы; в субботу люди должны были приехать из четырёх городов.

— Нам снимать запись? — спросила Светлана.

— Не снимайте до моего сообщения. Но не делайте новых копий. И на встрече говорите об именах, не о спасателе.

— Мы даже имени его не знаем.

— Героя можно придумать и без имени.

После звонка Нина открыла страницу цикла. Под фотографией катушки стояло её вступление: «Неизвестный диспетчер, рискуя жизнью, спас список жителей и подарил семьям возможность узнать судьбу близких». Риск был фактом. Цель — её выводом. В комментариях требовали назвать героя и поставить ему памятник.

Она заменила вступление: «Анонимный сотрудник речной диспетчерской вынес ведомости жителей во время паводка. Запись помогла восстановить имена пропавших; обстоятельства поступления и разрешение на публичное использование проверяются». Причиной указала неподтверждённую мотивировку поступка и остановила продвижение страницы. Саму запись не закрыла: на это требовалось решение комиссии или Глеба.

Через две минуты он позвонил.

— Почему флагманский материал архива помечен как спорный на публичной странице?

— Потому что он спорный.

— Для внутренней проверки, не для слушателей.

— Слушатели уже строят выводы на моём описании.

— Вы могли сначала сообщить мне.

— Могла.

— И?

— Я три года сообщала всем только удобную часть.

Глеб помолчал. На заднем плане у него кто-то перечислял номера коробок.

— Что именно вы нашли?

— В исходнике рассказчик отрицает, что спасал людей. Он говорит, что вынес бумагу, пока за внутренней дверью оставались трое. Мой монтаж убирает дверь, отрицание и просьбу согласовать публикацию имён. Я переставила финальную фразу и приписала ему героическую цель.

— Приписали словами?

— Описанием, композицией и звуком.

— Слова в записи подлинные?

— Да.

— Список помог установить пропавших?

— Да.

— Тогда не уничтожайте полезный материал в приступе редакторского раскаяния. Зафиксируйте различия. Юрист определит, требуют ли они замены версии.

— Юрист определит право использования. Не смысл.

— А вы сейчас определяете смысл за человека второй раз. Сначала сделали героем, теперь готовы сделать виноватым.

Нина не ответила. Возражение попало точнее, чем Глеб, вероятно, рассчитывал.

— До установления личности, — продолжил он, — никаких новых публичных трактовок. Ни героических, ни обвинительных. Верните нейтральное описание и пришлите мне сравнительный лист к шести вечера.

— Описание уже нейтральное.

— Тогда оставьте. Но флаг «спорный» с публичной страницы снимите. Внутреннюю отметку сохраните.

— На каком основании?

— На том, что мы ещё не решили, нарушает ли доступ условия поступления.

— Условий поступления у нас нет.

— Поэтому у вас девять дней, Ратова.

Он отключился.

Нина не сняла отметку сразу. Сначала составила таблицу из четырёх колонок: «исходная запись», «радиомонтаж», «версия Нины», «публичное описание». Внесла отрицание спасения людей, закрытую дверь, причину вынести ведомости, просьбу спросить живых и финальную фразу.

Различия не складывались в одну ложь. Радиоредактор убрал тяжёлое молчание. Нина выстроила ясную хронологию и усилила действие звуком. Музей добавил фотографию лодочника, чья фамилия не встречалась на катушке. Вместе они создали человека, которого в исходнике не было: уверенного спасателя, сознательно выбравшего память вместо безопасности.

Сам рассказчик говорил иначе. Он спорил с датами, отделял бумагу от людей, просил остановить аппарат и возвращался к закрытой двери. Он не отвергал пользу списка. Он отвергал право этой пользы отвечать за него.

К шести сравнительный лист занял семь страниц. Нина отправила его Глебу и Лариной, приложив только временные коды, без полного файла. Затем добавила внутреннюю запись: «Публичная версия не может считаться достаточной для идентификации намерений рассказчика». Формулировка снова не соответствовала справочнику. Нина оставила её.

На публичной странице она сняла слово «спорный», как распорядился Глеб, но сохранила новое описание и остановку продвижения. После этого распечатала монтажную таблицу. На полях, рядом с каждой склейкой, поставила инициалы редактора, который её сделал. Большинство первых сокращений принадлежало умершему сотруднику. Все перестановки, музыка, вода и финальное название — ей.

В журнале выдачи после её фамилии стояли ещё два номера. Один относился к музею в городе Бережье. Второй — к городской радиотеке Нижнего Яра. Оба лежали на маршруте выездной студии, указанном на коробке.

Нина перевернула страницу. На обороте обнаружился продавленный след от записи, сделанной на следующем листе. Бумагу когда-то вырвали, но нажим карандаша сохранился. Она положила сверху тонкий лист и провела боком грифеля. Проступить успели несколько знаков: «К-1147», затем дробь и четыре цифры, похожие на номер согласия.

В конце была приписка: «экз. 3 — монтаж».

Нина посмотрела на катушку, карточку и свою семистраничную таблицу. У записи могло быть не четыре версии, а три разных экземпляра, каждый со своей функцией. Если номер под нажимом действительно относился к согласию, искать следовало не пустой бланк в папке К-1147, а отдельную систему учёта.

Она убрала распечатку своего монтажа в прозрачный конверт и написала сверху: «Не источник. История изменений».

Впервые эта надпись относилась не только к файлу.

Глава 3. Три экземпляра

Павел пришёл на следующий день с тремя пустыми коробками.

Одну он поставил перед Ниной, вторую — у окна, третью оставил на тележке возле двери. Коробки были одинаковые: серый картон, тканевые завязки, выцветший штамп Архива голосов. Только на первой сохранилась синяя буква «Г», на второй — зелёная «С», а на третьей под содранной наклейкой проступала красная полоса.

— Выбирай, где история, — сказал он.

Нина не отрывалась от продавленного номера, который ночью перевела на прозрачную плёнку. Цифры удалось разобрать не все: К-1147/09?6. Последний знак мог быть шестёркой, буквой «б» или краем соседней записи.

— В той, где катушка.

— Это голос. Я спросил про историю.

— Тогда в красной. Монтаж всегда помечали красным.

Павел развязал коробку на тележке. Внутри лежали монтажные листы списанного цикла о речниках: карандашные временные коды, полоски старой клейкой ленты, фамилии редакторов. Он открыл синюю. Там были паспорта носителей — скорость, тракт, дата переноса, состояние плёнки. Зелёная оказалась пустой.

— Согласия вычистили при переезде? — спросила Нина.

— Не вычистили. Хранили в другом месте.

— Ты вчера говорил: отдельная система учёта.

— Я говорил «могли». Сегодня нашёл инструкцию.

Он положил на стол тонкую папку. На обложке значилось: «Порядок приёма полевых фонограмм. Временный». Год совпадал с годом записи К-1147. Листы пахли пылью и мокрой штукатуркой — так пахло в нижнем хранилище после весенней протечки.

Нина надела перчатки. На второй странице была таблица из трёх колонок: «Голосовой экземпляр», «Согласительный экземпляр», «Редакторский экземпляр». Между ними предписывалось ставить перекрёстные номера. Ни одна часть не считалась полной сама по себе.

— Зачем так сложно?

— Затем, что в голосовом фонде работали техники, в согласительном — инспектор, в редакторском — люди вроде тебя. И чтобы монтажёр не видел адрес рассказчика.

— А инспектор не слышал запись?

— По инструкции — только контрольный фрагмент и перечень разрешённых тем. Разделение доступа. Тогда это называли защитой информанта.

— Где стоял согласительный фонд?

— В административном корпусе речного вещания. Его продали банку двенадцать лет назад.

Он подвинул к ней инструкцию. Внизу последней страницы стоял список приложений. Приложение третье называлось «Маршрутный дубликат согласия». Для записей выездной студии инспектор заполнял три листа: один оставался у рассказчика, второй отправляли в согласительный фонд, третий вклеивали в маршрутную книгу до возвращения машины.

— Экземпляр три, — сказала Нина.

— На твоём оттиске написано «экз. 3 — монтаж».

— Значит, его не вклеили в маршрутную книгу. Передали монтажёру.

— Или отметка означает третью копию монтажного листа.

Нина наложила плёнку с оттиском на образец номера в инструкции. После дробки в образце шли две цифры маршрута и две — остановки. К-1147/0926 означало бы: маршрут девять, остановка двадцать шесть.

На коробке катушки маршрут был записан словами: «Студия-4. Нижняя река. Второй выезд». Никакой девятки.

— Номер не сходится.

Павел достал из кармана складную лупу.

— К — номер поступления сюда. Девять — не маршрут студии, а номер маршрутной книги за год. Двадцать шесть — порядковая запись.

— Надо найти книгу девять.

В электронном каталоге маршрутных книг не было. В старой описи нашлись книги первая, вторая, четвёртая, седьмая и «разные, три единицы хранения». После ремонта заевшего подъёмника Ларина разрешила Павлу поднять длинную коробку из дальнего ряда и напомнила Нине не фотографировать страницы с персональными данными целиком.

В коробке лежали три маршрутные книги. Первая относилась к верховьям, вторая — к промышленным пристаням, третья не имела номера. На её серой обложке кто-то написал карандашом: «9. Низ, май—июнь».

Нина открыла книгу на записи двадцать шесть.

Страница была вырезана.

Не вырвана поспешно, как лист из журнала выдачи: край шёл ровно вдоль прошивки, нитка не пострадала. На предыдущей странице значилась остановка двадцать пять — Нижний Яр, Дом связи. На следующей — двадцать семь, посёлок Ветлы, клуб речников. Между ними оставалась узкая полоска бумаги. В графе маршрута у обеих остановок стояла одна дата, 18 июня.

— Левого Берега нет, — сказала Нина.

Павел развернул карту речного вещания, найденную в той же коробке. Студия двигалась не по воде, а на машине вдоль дамбы: столица, Бережье, Нижний Яр, Ветлы, Сухая Балка. Левый Берег лежал ниже и на другом берегу.

— Может, запись сделали в Ветлах, — предположил он.

— Рассказчик говорит, что пришёл в студию после смены. На коробке указан Левый Берег.

— Коробку подписывали потом.

Нина просмотрела записи двадцать пять и двадцать семь. В Нижнем Яре студия приняла восемь интервью, в Ветлах — одиннадцать. Напротив каждой фамилии стояли буквы: «хр.» — хранение, «эф.» — эфир, «п.» — печать. У некоторых разрешения были ограничены сроком. У записи двадцать семь красным карандашом добавили: «голос — отдельно, согласие — в книгу».

— Тогда почему на К-1147 в карточке появился открытый архив?

— Потому что карточку заполняли без этой страницы.

На узком остатке листа сохранился край красной буквы. Нина подсунула под него белую карточку. Виднелась нижняя дуга — возможно, часть «эф.», возможно, цифра.

— С обратной стороны есть нажим? — спросила она.

Павел посветил фонариком сбоку. На следующем листе проступали вдавленные строки, но они относились уже к записи двадцать семь. Бумагу заполняли на весу, и след от вырезанной страницы ушёл на предыдущую. Нина вернулась к остановке двадцать пять. Под таблицей различила вмятину: «26 — вне марш...»

Павел медленно менял угол света. Проявилась следующая часть: «...рута. Перепр.»

— Переправа, — сказал он.

Они сняли рельеф в косом свете, не обрабатывая изображение в общей системе. На увеличении читалось: «26 — вне маршрута. Переправа. По просьбе Т. Л.» Ниже был номер, совпадавший с оттиском из журнала: К-1147/0926.

Тамара Лист, интервьюерка, изменила утверждённый путь и перевезла студию через реку. Почему — на странице двадцать шесть. Куда именно — знала подпись на коробке.

Нина включила исходник и нашла начало. До первого вопроса слышался низкий гул, редкие удары и звон стекла. Раньше она принимала их за работу диспетчерской. Павел прибавил громкость.

— Дизель держит постоянные обороты, — сказал он. — А удары через неравные интервалы.

— Паром?

— Или понтон у причала. Студия могла записывать прямо на переправе.

В конце предварительного разговора Тамара спрашивала мужчину, сможет ли он прийти завтра, когда машина встанет у клуба. Он отвечал: «Завтра меня на той стороне не будет». Значит, официальной остановки в Левом Берегу могло не быть. Интервью произошло во время перехода через реку, между двумя пунктами маршрута, а согласие заполняли на ходу.

Номер радиотеки отвечал длинными гудками. На четвёртой попытке трубку подняла женщина и сказала, что учреждение теперь называется Центром звукового наследия, хотя звук у них почти весь вывезли. Нина представилась сотрудницей архива и назвала дату маршрута.

— Вы опять насчёт речника? — спросила женщина.

Нина выпрямилась.

— Кто ещё звонил?

— Мужчина. Или не мужчина, голос тихий. Спросил, можно ли отозвать старое разрешение, если оригинал утрачен.

— Когда?

— Вчера вечером. Я дала столичный адрес. У нас разрешений нет.

— У вас есть журнал входящих обращений за тот год? — спросила она.

— Есть опись бывшего Дома связи. Самих папок не знаю сколько. После затопления подвала сушили всё подряд.

— Мне нужен маршрут выездной студии за восемнадцатое июня и регистрация согласия К-1147/0926.

Женщина повторила номер по цифрам.

— Девятая книга, двадцать шестая запись? Тогда ищите не у нас.

— Почему?

— Девятый маршрут закрывали в Бережье. Нижний Яр был промежуточной точкой. У нас оставляли технический экземпляр, а путевой пакет сдавали начальнику студии в конце рейса.

— В Бережье есть архив?

— Музей паводка. Они забрали бумаги вещания, когда Дом связи переделали под гостиницу. И ваш монтаж у них в экспозиции. Под лодочником.

Нина вспомнила фотографию на публичной странице: мужчина в брезентовой куртке у лодки, выбранный музеем как лицо анонимной записи. Его фамилии на катушке не было.

— Лодочник мог быть диспетчером?

— Лодочник мог быть кем угодно, — сухо сказала женщина. — На снимке вообще другой год.

— А звонивший оставил имя?

— Нет. Сказал, что письменное заявление уже отправил.

После разговора Нина проверила внутреннюю почту. Новых обращений не было. Общая канцелярия фонда принимала документы отдельно, и доступ к ней имел Глеб.

Она позвонила ему.

— Есть заявление об отзыве по К-1147?

Пауза была короткой, но не служебной.

- Откуда вы знаете?
- Человек сначала звонил в Нижний Яр.
- Сегодня утром пришёл конверт без обратного адреса. Автор называет себя владельцем голоса и требует удалить оригинал, копии, расшифровки и производные материалы.
- Подпись можно сверить с маршрутным листом.
- Лист утрачен.
- Его след ведёт в Бережье. Путевой пакет сдавали там, а не в Нижнем Яре. Я нашла номер согласия и подтверждение внеплановой записи на переправе.
- Пришлите служебную записку.
- Мне нужен скан заявления без имени хотя бы с образцом подписи.
- Юрист подготовит обезличенную копию.
- Когда?
- После регистрации. И ещё: автор письма требует прекратить доступ немедленно.
- Запись сейчас открыта.
- Я распорядился временно скрыть звуковой файл. Описание и сведения о найденных именах остаются. Завтра комиссия решит, считать ли письмо достаточным основанием для полного закрытия.
- Если подпись окажется чужой? — спросила она.
- Вернём файл после решения комиссии.
- А если настоящей?
- Настоящая подпись докажет автора заявления. Не владельца записи.
- Голос можно сравнить.
- Через двадцать семь лет? С телефонным разговором, которого у нас нет? Не обещайте технике то, чего она не умеет.

Глеб потребовал до вечера оформить находку как цепочку проверяемых фактов без слов «владелец» и «утраченное согласие». Нина записала: существовала тройная система; номер К-1147/0926 соответствовал двадцать шестой записи девятой маршрутной книги; страница была вырезана; запись сделали вне маршрута на переправе по просьбе Тамары Лист; путевой пакет закрывали в Бережье. Всё остальное оставалось выводами.

Когда она закончила, Павел уже убрал пустые коробки. На столе осталась зелёная — та, в которой должно было лежать согласие.

- Забыл, — сказала Нина.
- Нет. Пусть постоит как место для того, что найдём.

Нина открыла служебную карточку К-1147. Вместо прежнего основания «договор поступления» внесла три отдельные строки. У голоса указала катушку и полный перенос. У истории монтажа — радиовersion, собственный проект и сравнительный лист. У согласия поставила номер К-1147/0926 и статус: «носитель не найден; объём разрешения не установлен».

Система подсветила карточку жёлтым и потребовала выбрать единый правовой режим. Нина отменила выбор.

Нина сохранила три строки во внутреннем приложении и запретила автоматическое наследование старого режима для новых копий. Теперь ни музей, ни фонд не могли получить из каталога готовую отметку «открыто» при следующей выгрузке. Уже выданные версии это не возвращало.

Перед уходом Ларина забрала маршрутные книги и подтвердила: в старой описи отмечен один отсутствующий лист без номера. Нина оставила в отчёте слово «отсутствует», не превращая пробел в кражу.

В шесть часов пришла обезличенная копия заявления. Имя и адрес закрывали чёрные прямоугольники, но текст оставили целиком. Заявитель писал, что запись сделана без оконча-

тельного разрешения, пауза содержала отказ отвечать, а фраза об именах относилась к списку погибших, не к публичной биографии рассказчика. Он требовал уничтожить не только исходный звук, но и «все изготовленные из него истории».

Внизу стояла подпись — резкий наклонный росчерк из трёх букв.

Нина увеличила его и положила рядом прозрачную плёнку с продавленным номером. Сравнивать было не с чем. Но в заявлении имелась деталь, которой не было ни в её монтаже, ни в каталоге, ни в музейном описании: автор называл студию «машиной Тамары», хотя на записи они находились, вероятно, на пароме.

Это мог знать участник. Мог узнать сотрудник архива. Мог вывести внимательный слушатель исходника, если получил к нему доступ.

Нина внесла заявление четвёртой строкой, но не в раздел согласия. Она назвала строку «требование».

Три экземпляра объясняли, как запись должна была существовать. Четвёртый документ впервые показывал, что кто-то за пределами архива ещё помнил разницу между голосом и правом его использовать.

На обороте копии Нина написала маршрут: Бережье — музей паводка; путевой пакет девятой книги; фотография лодочника; происхождение монтажной копии. Ниже добавила: проверить заявление отдельно, не считать имя доказательством.

До продажи архива оставалось восемь дней.

Глава 4. Отзыв

Комиссия собралась в комнате, где до продажи архива проводили планёрки. Со стены уже сняли схему фондов, и четыре светлых прямоугольника казались окнами в заложенном доме. На столе лежала копия заявления: две страницы, входящий номер, чёрные полосы вместо имени и адреса. Глеб принёс оригинал в прозрачной папке и не выпустил его из рук.

— До проверки личности заявителя документ остаётся у канцелярии, — сказал он. — Смотрите, но не фотографируйте.

Кроме Нины и Глеба пришли юрист Марк Велей и заведующая хранением Ларина. Павел из аппаратной проверял, можно ли узнать детали письма из открытых версий.

Марк прочитал требование вслух, превращая каждую фразу в отдельный пункт: прекратить публичный доступ; изъять музейные и учебные копии; уничтожить исходный звук, расшифровки и монтажи; письменно подтвердить исполнение. Заявитель называл себя человеком, чей голос записала Тамара Лист на переправе восемнадцатого июня. Он утверждал, что разрешал сохранить разговор до отдельного решения, которого никогда не принимал.

— Он знает дату, место и имя интервьюерки, — сказала Нина.

— Всё это могло вытечь из каталога, — ответил Глеб.

— В открытом каталоге нет даты и переправы.

— Зато они уже есть в вашей служебной записке.

Нина посмотрела на отметку регистрации. Конверт приняли в девять двенадцать, её записка ушла Глебу после трёх. Значит, заявление появилось раньше восстановленного маршрута.

Марк попросил оригинал. Глеб вынул сложенное втрое письмо. Обратного адреса не было. Под текстом стояло закрытое для Нины имя и росчерк из трёх сцепленных перекладин.

— Мне нужен не закрытый скан, а сама подпись и имя, — сказала Нина. — Иначе проверка заранее невозможна.

— Вы не устанавливаете личность, — возразил Марк. — Вы проверяете основания требования.

— Основание заявлено одно: это его голос. Чтобы проверить, надо знать, кого проверять. Глеб постучал ногтем по папке.

— Допустим, имя совпадёт с тем, которое вы найдёте в Бережье. Что это докажет?

— Совпадение двух независимых документов.

— Или знание похитителя страницы.

Слово прозвучало слишком удобно. Нина напомнила, что страница числится отсутствующей, а не похищенной. Ларина коротко кивнула. Она принесла журнал вскрытия коробки: никто из нынешних сотрудников не видел листа двадцать шесть, а утрата впервые отмечена при старой переописи.

Комиссия решила начать с того, что можно проверить без имени. Нина составила таблицу деталей заявления. «Машина Тамары» встречалась в предварительном разговоре, доступном только в полном переносе. Переправа восстанавливалась по шуму и маршрутной книге. Пятиминутная пауза присутствовала в исходнике, но отсутствовала в публичном монтаже. Фраза «вынес имена» была известна всем. Просьба уничтожить «истории» повторяла музейное название экспозиции, а не термин архива.

Павел прислал результаты. Полный перенос открывали семеро сотрудников, включая Нину и Глеба. За последние три года его дважды выгружали на переносной диск: один раз для реставрации, второй — по запросу музейной рабочей группы. В журнале второй выдачи получатель был указан инициалами и уже не работал в архиве.

— Значит, закрытые сведения перестали быть закрытыми, — сказал Глеб. — Заявление мог написать любой участник музейного проекта.

— Мог, — согласилась Нина. — Но это не повод считать его ложным.

— И не повод считать истинным.

Ларина перелистнула копию.

— Подпись всё равно надо сверять. На чём она могла сохраниться, кроме вырезанной страницы?

Нина перечислила: журнал пропусков выездной студии, квитанция о передаче копии рассказчику, ведомость оплаты дороги, путевой пакет в Бережье. Марк добавил почтовое уведомление, если согласие потом высылали повторно. Глеб вычеркнул ведомость оплаты: интервьюерам запрещалось платить рассказчикам.

— Платить за разговор — да, — сказала Нина. — Но Тамара могла возместить переправу.

— Тогда подпишется кассир или интервьюер.

— Или получатель.

Марк предложил сохранить временное закрытие звука, но не удалять материал по неподтверждённому требованию.

— А продолжение показа — обратимое? — спросила Нина.

— Его можно прекратить завтра.

— Прослушанное завтра не вернётся.

Глеб записал эту фразу в блокнот.

После комиссии Нина получила доступ к имени на четыре часа, без права внести его в общую карточку. Заявителя звали Виктор Немой. Фамилия показалась нарочитой только потому, что стояла под требованием уничтожить голос. В списке сотрудников, монтажёров и участников музейной группы такого человека не было. В старом телефонном справочнике Нижней реки нашлись трое Немых: Серафима Андреевна в Бережье, мастер Виктор Сергеевич в Сухой Балке и абонент без инициалов в Ветлах.

Возраст заявителя в письме не указывался. Почерк мог принадлежать и молодому человеку, и человеку с больной рукой. Нина положила рядом три образца, которые у неё уже были: подпись Тамары Лист на маршрутной книге, виза начальника студии и росчерк старого монтажёра на карточке К-1147. Ни один не совпадал.

Она позвонила в канцелярию Центра звукового наследия в Нижнем Яре. Женщина, отвечавшая вчера, представилась Галиной и вспомнила звонившего.

— Он назвался Виктором?

— По-моему, нет. Спросил про отзыв и всё.

— Голос был похож на голос из музейной записи?

— Я её сто раз слышала. Не похож.

— Насколько не похож?

— Там человек говорит низко, будто каждое слово тащит. Этот был моложе. Или просто быстрее.

— Он сказал «моя запись»?

Галина задумалась.

— Нет. Сказал: «Если человек передумал, куда ему писать?» Потом спросил, можно ли отозвать за другого.

Этой фразы в журнале звонков не было. Нина попросила Галину записать воспоминание от своего имени, с датой и оговоркой, что точность слов не гарантируется. Та согласилась прислать служебное письмо, но предупредила, что директор может запретить.

— Вы считаете, заявление подал не рассказчик? — спросил Глеб, когда Нина пересказала разговор.

— Я считаю, что он мог действовать за другого человека.

— Без доверенности.

— Или защищать своё право, ошибочно назвав себя владельцем голоса.

— Какое ещё право?

— Этого мы пока не знаем.

Глеб потребовал показать имя. Прочитав его, он не улыбнулся, но напряжение в лице исчезло.

— Немой, — сказал он. — Человек с такой фамилией пишет про знаменитый голос. Слишком хорошо, чтобы быть случайностью.

— Фамилии не обязаны быть правдоподобными.

— Зато попытки присвоить известные истории повторяются. Родственники, краеведы, свидетели второго круга. Стоит материалу стать заметным — появляется тот, кто помнит больше автора.

— Известный рассказ создаёт вокруг себя свободное место, — сказал Глеб. — Кто-нибудь обязательно встанет туда и объявит, что всегда там был.

— Наш архив сам поставил туда фотографию лодочника.

— Музей поставил.

— Из нашей монтажной копии и с нашим открытым режимом.

— Ошибка музея не делает Виктора Немого владельцем.

— Не делает. Но и ваша коллекция чужих претензий не делает его самозванцем.

Нина перечитала последнюю страницу. Автор действительно смешивал разные вещи: носитель, копии, текст и созданные по нему истории. Но человек, однажды потерявший управление записью, мог не различать архивные уровни. Он мог требовать уничтожить всё именно потому, что не верил в ограничение доступа.

— Вы приписываете ему точность, когда она доказывает осведомлённость, и невежество, когда она объясняет чрезмерность, — сказал Глеб.

— А вы делаете наоборот.

Они замолчали. За стеклом аппаратной крутилась пустая катушка. Павел снимал шум холостого хода для сравнения с паузой и поставил на стол табличку «НЕ ВКЛЮЧАТЬ». Нина смотрела, как лента проходит мимо головки, хотя на ней не было голоса. Аппарат различал наличие носителя и наличие записи; комиссия пыталась заставить один признак отвечать за другой.

Виктор оставил номер переговорного пункта в Бережье. Марк разрешил запросить удостоверение личности, документы о записи или доверенность.

В письме Нина заменила «для подтверждения ваших прав» на «для определения основания вашего требования». Просьбу повторить фразу из монолога убрала: это вынудило бы человека снова сыграть отвергаемую роль.

Она предложила ответить лично, заверенным документом или через местное учреждение. Марк вычеркнул третий способ: такой процедуры у фонда не было.

— Значит, человек из посёлка должен ехать в столицу или платить за заверение, чтобы мы перестали использовать то, на что у нас самих нет бумаги?

— Он должен доказать, что вправе требовать.

— А мы чем доказали, что вправе продолжать?

Марк вернул ей лист.

— Именно поэтому звук закрыт. Но нельзя построить проверку на доверии к любому письму.

Ларина нашла компромисс: допущенный к документам сотрудник Бережского музея мог принять подтверждение личности и сообщить лишь результат сопоставления с путевым пакетом.

Уведомление ушло в четыре сорок. Через двадцать минут переговорный пункт подтвердил приём факса. Получателем значился В. Немой.

Пока комиссия ждала ответа, Нина нашла в газетах Бережья Серафиму Немую — дарительницу ткани с именами погибших. На фотографии пожилая женщина держала свёрнутое полотно, рядом стоял безымянный сын.

Сын не был похож на лодочника с музейной афиши. Важнее было другое: семья Немой имела отношение не к голосу, а к списку, о котором рассказчик разрешал говорить лишь после согласия живых.

— Он присваивает рассказ не себе, — сказала Нина, когда Глеб снова вошёл. — Возможно, он пытается закрыть часть, связанную с матерью.

Глеб прочитал заметку.

— Или понял, что через известную запись сможет закрепить за семьёй полотно.

— Вы любое действие переводите в борьбу за собственность.

— Потому что заявление написано языком собственности: удалить всё, подтвердить мне, признать мой голос.

— Языком, которому его научила наша форма отзыва.

В архивной форме действительно имелась единственная строка: «Я, владелец записи...» Другого варианта — родственник, хранитель связанного документа, человек, названный в рассказе, представитель группы — форма не предусматривала. Чтобы потребовать проверки чужого использования, заявитель должен был сначала назвать запись своей.

Глеб поручил Марку добавить варианты основания для будущих обращений. Текущее заявление переписывать не позволил.

В половине шестого пришёл ответ из переговорного пункта. Одна строка: «Документы лично не предоставляю. Голос не мой. Требование не отзываю. Основание находится в путевом пакете и у Серафимы Край».

Под сообщением стоял тот же росчерк.

Нина положила рядом заявление. На первом росчерке средняя переключательная уходила вверх, на новом — вниз; последняя черта в заявлении обрывалась резко, в факсе имела петлю. Даже с учётом разницы бумаги и аппарата это были не одинаковые движения.

— Вот и всё, — сказал Глеб. — Голос не его. Подпись пляшет. Попытка присвоения подтверждена самим заявителем.

— Нет. Подтверждено, что он не владелец голоса и что требование шире его возможного права. Но он указал путевой пакет и Серафиму Край до того, как мы нашли их связь.

— Имя было в газетной заметке.

— Путевой пакет — не был.

Ларина отметила лишь наблюдаемое: заявление подписывали медленнее, чем ответ. Первый автор мог выводить чужой образец, но различие само по себе ничего не доказывало.

Марк оформил решение комиссии. Полное удаление отклонялось как неподтверждённое и несоразмерное. Исходник оставался закрытым. Публичные монтажи не возвращались в каталог до проверки путевого пакета. Музею следовало отправить уведомление о спорном статусе, но не требование снять экспозицию: фонд ещё не вступил в права покупателя.

Глеб настоял на последнем пункте. Он считал, что Виктор пытается занять место рассказчика и через него получить власть над известной историей. Нина записала возражение: претензия на голос не подтверждена, однако сообщение содержит независимо проверяемые сведения о согласии и именах; его нельзя закрыть вместе с неверно выбранным основанием.

Перед уходом она внесла в карточку К-1147 две новые строки. «Заявитель: Виктор Немой; владельцем голоса себя не подтверждает». «Связанное лицо: Серафима Край; роль не установлена». Подпись не прикрепила к профилю Виктора и не назвала поддельной. В графе проверки указала только наблюдаемое: два полученных росчерка имеют различия.

На столе оставался билетный календарь. До продажи архива — семь дней. Путевой пакет находился в Бережье, если не погиб при затоплении музейного подвала. Там же жил Виктор, который отказывался от встречи, и, возможно, Серафима Край.

Нина открыла расписание ночных поездов. До Бережья шёл один прямой, отправлением в двадцать три десять. Она ещё не купила билет. Сначала требовалось добиться от Глеба решения, кем она поедет: редактором, ищущим разрешение для своей записи, или аудитором фонда, обязанным передавать каждую находку покупателю.

Пустая катушка за стеклом остановилась. Павел снял табличку и записал время холостого хода. В комнате стало слышно, как лист комиссии втягивает печать.

Отзыв не вернул истории владельца. Он только показал, что прежняя форма заставляла каждого спорящего сначала назвать чужую запись своей.

Глава 5. Билет до устья

В заявке на командировку не было строки «найти человека, которого архив заставил назвать чужой голос своим». Были цель, маршрут, срок, источник оплаты и графа для имущества. Нина заполнила первые четыре и остановилась на последней.

«Переносной сканер, служебный фотоаппарат, накопитель фонда», — продиктовал Глеб через стол.

— Накопитель архива.

— Через семь дней это различие исчезнет.

— Через семь дней оно либо появится в договоре, либо архив не будет продан в заявленном составе.

Глеб развернул к себе бланк. В графе цели Нина написала: «Проверка путевого пакета выездной студии по записи К-1147; установление основания требования Виктора Немого; восстановление цепочки согласия». Он зачеркнул последнее словосочетание и вписал сверху: «аудит документации приобретаемой коллекции».

— Я еду не оценивать коробки, — сказала Нина.

— Вы не едете возвращать запись. Возвращать пока никому.

— Если мы найдём владельца, ему.

— Если установим владельца, фонд определит правовой режим материала.

Нина взяла бланк обратно и рядом с его формулировкой поставила свою, через точку с запятой. Получилась цель, которая спорила сама с собой.

Утренний поезд до Бережья уходил в девять сорок, ночной — в двадцать три десять. На утренний оставалось одно место, но попасть на него можно было только с устным разрешением директора архива, которого вызвали в министерство из-за продажи. Ночной давал ещё один рабочий день и отнимал день на месте: музей по четвергам закрывал хранилище для просушки.

Нина выложила расписание перед Глебом.

— Сегодня ночью. Завтра утром я в Бережье. Сначала путевой пакет, потом Виктор Немой.

— Сначала договор с музеем о доступе. Потом пакет. С Немым вы не встречаетесь без представителя фонда.

— Представитель будет сидеть в поезде рядом со мной?

— Если потребуется.

— Тогда покупайте второй билет.

Глеб не ответил. Он назвал её заинтересованным редактором, способным принять оправдание собственного монтажа за доказательство. Нина не спорила: если путевой пакет разрешал публикацию, её работа получала отсрочку от приговора. Но фонд тоже не был нейтрален — стоимость покупки зависела от числа открытых записей. Она перевернула бланк и разделила интересы сторон: архив устанавливает личность, согласие и ограничения; фонд проверяет состав документов, риск утраты и возможность использования. Рядом Нина добавила общее правило: не расширять доступ до установления режима.

— Копии всех находок ежедневно до восемнадцати ноль-ноль, — сказал он.

— Опись ежедневно. Копии — после определения, имеем ли мы право их передавать фонду.

— Командировку оплачивает фонд.

— До продажи я сотрудник архива.

— У архива нет денег на билет.

Это было правдой. В бухгалтерии три дня собирали остатки на вывоз коробок из подвального филиала. Нина могла купить билет сама, но тогда музей имел право не допустить её к

служебной документации. Для доступа требовалось письмо организации; письмо без оплаченной командировки директор не подписывал.

Глеб закрыл папку.

— Фонд оплачивает поездку и получает результаты аудита.

— Результаты — да. Не автоматически каждый документ.

— Это одно и то же.

— Нет. Результат может состоять в том, что документ существует, подлинность не установлена, копирование ограничено владельцем или учреждением. Сам документ при этом вам не передаётся.

— Вы уже решили, что найдёте запрет.

— Вы уже решили, что купили право на копию.

Глеб придвинул чистый лист.

— Пишите условия, при которых вы готовы поехать как аудитор.

Нина начала с того, что находки регистрируются в журнале К-1147 без изменения режима доступа. Оригиналы не изымаются. Фотографирование производится только с разрешения держателя. Личные кассеты, письма и документы, не относящиеся к цепочке записи, в аудит не включаются. Сведения о людях, названных в интервью, передаются отдельно от звукового материала. Контакт с предполагаемым владельцем голоса не считается согласием на публикацию.

На шестом пункте Глеб остановил её ручку.

— «Копии передаются после оценки основания». Кто оценивает?

— Я фиксирую происхождение. Марк оценивает режим.

— Юрист архива, который через неделю может лишиться работы.

— Тогда ваш юрист и Марк независимо. При разногласии копия хранится закрыто до решения комиссии.

— Комиссии какой организации?

— Пока архив не продан — архива.

— То есть вы хотите за наши деньги привезти документы и закрыть их от нас нашей же покупкой.

— Я хочу не повторить то, что уже случилось с голосом: сначала получить, потом придумать основание.

Глеб встал и подошёл к окну. Во дворе грузчики переносили пустые пластиковые ящики. На каждом был наклеен номер фонда, хотя договор ещё не подписали. Ветер поднимал уголки этикеток; один грузчик приглаживал их ладонью.

— Если я соглашусь, — сказал Глеб, — вы будете обязаны каждый вечер сообщать не выводы, а полный перечень найденного. Название, держатель, физическое состояние, связь с К-1147, сделана ли копия и где она хранится.

— Да.

— Всё, что может погибнуть или исчезнуть, копируется немедленно.

— С разрешения держателя.

— Если держатель откажет?

— Фиксируется отказ.

— А если на следующий день подвал затопит?

— Отказ не становится согласием от приближения воды.

— Очень чистая позиция для человека, чей монтаж слышали тысячи без найденного согласия.

Нина не стала защищаться. Именно поэтому правило должно было быть строже её прежней практики, а не мягче.

— Добавьте рекомендацию о срочном сохранении на месте, — сказала она. — Музей может сделать страховую копию сам и оставить её у себя закрытой. Мы получим контрольную сумму и акт, не содержание.

Глеб вернулся к столу и записал это мелким почерком. Потом дописал: «При угрозе утраты аудитор обязан незамедлительно уведомить фонд».

— И архив, — сказала Нина.

Он поставил косую черту и добавил второго адресата.

Павел выдал ей тяжёлый сканер, архивный диск с журналом операций и распечатку спектра пустой паузы. В последней графе журнала стояло «передано»; Нина дописала: «кому и на каком основании». Фондовый накопитель она решила принять только запечатанным: ключ к его шифрованию принадлежал Глебу, а автоматическая синхронизация превращала технический доступ в предполагаемое право.

Директор архива подписал приказ, назвав Нину «временным аудитором цепочки согласий». Срок ограничили четырьмя днями и Бережьем, Ветлами, при необходимости Нижним Яром. По требованию Нины добавили исключение: маршрут можно менять при непосредственной угрозе утраты относящегося к записи документа с одновременным уведомлением архива и фонда. Глеб не согласился, но возражение не записал.

Оставалось получить письмо в Бережский музей. Секретарь музея Валентина Сергеевна трижды переключала Нину между директором, отделом паводка и хозяйственной частью. Хранилище действительно просушивали по четвергам, потому что по стене после весенней воды пошла плесень. Путевые пакеты районного вещания лежали не в основном фонде, а в бывшей котельной; ключ держала заведующая, которая уходила в отпуск завтра в полдень.

— Мы приедем утром, — сказала Нина.

— Кто «мы»?

Она посмотрела на Глеба. Второго билета на столе не было.

— Архив голосов и фонд-покупатель в одном лице командированного аудитора.

— Это сколько человек?

— Один.

Валентина Сергеевна помолчала.

— Тогда письмо присылайте от двух организаций. И список того, что хотите смотреть. У нас не выдача по словам «всё про наводнение».

Нина перечислила: путевой пакет выездной студии за нужный месяц, журналы приёма районного вещания, акты передачи носителей, материалы Тамары Лист, документы по ткани с именами. На последнем пункте секретарь перестала печатать.

— Ткань не наша.

— А чья?

— В экспозиции музейная. Вещь семейная.

— Семьи Край?

— Раньше Немой. После замужества Край.

— Серафимы Андреевны?

— Я персональные сведения по телефону не даю.

— Она передавала вам ткань лично?

— Пишите запрос.

В трубке щёлкнуло. Нина записала только установленное: музей не считает себя владельцем ткани; фамилии Немая и Край относятся к одному семейному предмету, но личность держателя по телефону не подтверждена.

Глеб протянул руку к записи.

— Для описи.

— Опись будет в восемнадцать.

- Уже начался аудит.
- Ещё не началась командировка.
- Расходы фонда уже начались.

Бухгалтерия после спора заменила в гарантии «проверку актива» на «проверку документации, относящейся к К-1 147». К шести Нина отправила первую ежедневную опись: пять находок, наличие копий, держатели и основания передачи. Телефонную оговорку музея она передала без персональных сведений.

- Вы будете решать это по каждой строке? — спросил Глеб.

— Для этого и нужен аудит. Без описи до устья быстрее, только потом никто не докажет, что найдено по дороге, а что добавлено после.

В семь вечера пришло письмо музея. Доступ разрешали завтра с девяти до одиннадцати сорока пяти в присутствии заведующей. Копирование — по состоянию документов. Путевой пакет в описи значился как «папка радиобригады, не разобрано». Документов Тамары Лист отдельно не числилось.

Нина переслала письмо директору и Марку. Глеб уже стоял у двери в пальто.

- Накопитель фонда возьмёте как резервный, — сказал он.

— Запечатанным.

— Пароль у вас в конверте.

— Использую только если архивный диск заполнится и будет разрешение на копирование.

— Ежедневная передача до восемнадцати.

— Ежедневная опись до восемнадцати. Копии — по согласованным основаниям.

— В приказе написано «результаты».

— В приложении определено, что результат включает опись, а не безусловный массив файлов.

Глеб предложил служебный телефон с включённой геометкой. Нина отказалась: документы она снимет архивным аппаратом, звонить будет со своего. Фондовый накопитель остался единственным чужим имуществом в её багаже.

— Если вы измените маршрут без согласования, фонд прекратит оплату.

— Если возникнет непосредственная угроза утраты, приказ разрешает изменить маршрут с одновременным уведомлением.

— Угрозу будете определять вы.

— На месте — да. Потом предъявлю основание.

— Очень удобная последовательность.

— Такая же, как ваша покупка архива: сначала получить контроль, потом доказывать право.

Он забрал телефон, но накопитель оставил.

— Считайте его пломбой, — сказал Глеб. — Если распечатаете, часть найденного окажется на носителе фонда.

Нина приняла накопитель без права подключения до заполнения архивного и записала серийный номер. Глеб расписался ровно и быстро. Она вспомнила два разных росчерка Виктора: один мог принадлежать Серафиме.

Касса вокзала закрывалась в девять. Электронная покупка требовала служебной карты фонда, а бухгалтер отказался сообщать реквизиты по телефону. За билетом пришлось идти лично с гарантийным письмом и наличными из архивной кассы, которые фонд обещал возместить.

Павел донёс сканер до выхода. На ступенях он спросил:

— Если найдёшь согласие на всё, вернёшь монтаж в каталог?

— Сначала проверю, кто и на что согласился.

— А если там действительно написано «публиковать без ограничений»?

Нина посмотрела на окна аппаратной. За одним из них стояла катушка К-1147 — закрытая, но не удалённая.

— Тогда бумага подтвердит режим на дату подписи. Она не отменит письмо Виктора и не ответит за человека сегодня.

— Глебу это не понравится.

— Ему не за это платят.

— А тебе?

Нина поправила ремень тяжёлого сканера.

— Мне раньше платили за то, чтобы запись можно было услышать. Теперь — за то, чтобы было видно, почему её слышат.

На вокзальном табло поезд значился до Сухой Балки. Бережье было шестой остановкой, Ветлы — девятой; дальше линия уходила от реки, и к Левому Берегу пришлось бы пересаживаться на теплоход. Кассир долго разбиралась, почему платит фонд, командирует архив, а цель подтверждает музей. Нина заплатила архивными деньгами и получила билет до Бережья, хотя мысленно уже провела путь к посёлку, которого скоро не станет.

Телефон завибрировал. Глеб прислал исправленное приложение к приказу. В последнем пункте появилось: «Аудитор ежедневно до 18:00 передаёт опись всех находок и доступные для правомерного копирования материалы. Изменение маршрута не означает расширения полномочий».

Нина открыла фотографию билета, но не отправила. Вместо неё переслала номер поезда, вагон, время прибытия и серийный номер запечатанного накопителя. Геометки не было. К письму приложила первую опись и написала: «Получение сведений не означает передачи контроля над их использованием».

Ответ пришёл сразу: «Оплата поездки не означает отказа фонда от контроля над аудитом».

Нина убрала билет в прозрачный карман журнала. Между страницами он выглядел как ещё один документ цепочки: кто отправил, за чей счёт, к какой цели, с какими ограничениями. Только имени человека, ради которого начиналась дорога, в нём не было.

По громкой связи объявили посадку на поезд до Сухой Балки. Нина подняла сканер и пошла к платформе. Билет разрешал ей доехать до Бережья. Приказ — смотреть документы. Фонд — платить и требовать копии. Ни одна из этих бумаг не давала ей права привезти историю обратно.

Но теперь у дороги были зафиксированы условия, и спор о контроле ехал вместе с ней.

Глава 6. Голос матери

Поезд пришёл в Бережье в семь двадцать. Нина вышла со сканером, архивным диском и запечатанным накопителем фонда. За ночь пломба продавила след на сумке, словно чужое право собственности проявилось на ткани.

До открытия музея оставалось полтора часа. В восемь двенадцать позвонила Валентина Сергеевна.

— Вы из Архива голосов? Не идите пока в музей. Вас ждут в доме Лист, улица Маячная, восемь.

— Кто ждёт?

— Дочь Тамары Ильиничны. Я ей сказала только про запрос на путевой пакет. Она решила, что вы приехали за кассетами.

— А кассеты принадлежат музею?

— Вот это вы у неё и спросите.

Нина записала время и формулировку «решила, что приехали за кассетами».

Дом стоял на второй линии от реки. На калитке сохранилась отметка прошлогодней воды. За оградой сушились картонные папки. Женщина лет сорока сняла одну прежде, чем открыть Нине.

— Лидия Воронова. Тамара Лист — моя мать. Паспорт показывать будете?

Нина показала удостоверение и оба письма, не выпуская их из рук.

— Фонд тоже ваш?

— Нет. Он оплачивает аудит перед покупкой архива. Я сотрудник архива.

— Значит, всё-таки покупатели.

— Я устанавливаю происхождение записи К-1147 и условия, на которых её передавали. Покупать у вас ничего от имени фонда я не уполномочена.

Лидия посмотрела на сумку со сканером.

— А от своего имени?

— Пока не знаю, что у вас есть.

На кухне пахло сырой бумагой и уксусом. Ящики были подписаны: «съёмки», «дом», «радио», «не слушать».

— После смерти мамы музей забрал аппаратуру, — сказала Лидия. — Сказали, она служебная. Плёнки оставили, потому что в акте их не перечислили. Теперь, значит, понадобились.

— Когда умерла Тамара Ильинична?

— Девять лет назад. И девять лет никому не было дела, что у меня две комнаты заняты её голосами.

Лидия поставила на стол кассетный магнитофон. В прозрачном окне виднелась кассета с надписью «Бережье, дом, после рейса». Нина не потянулась к клавише.

— Это интервью К-1147?

— Это моя мать. Она возвращалась с работы и рассказывала, что ей пришлось выслушать. Иногда ночью включала магнитофон, потому что не могла уснуть. Вы заберёте всё или будете выбирать самое знаменитое?

— Я не могу забрать ни одной кассеты без вашего решения и описи. И не уверена, что имею право слушать личные записи.

— Но имеете право продавать архив вместе с ними?

— Эти кассеты в архив не передавались.

— Вы ещё не видели акта.

Лидия вынула из ящика папку с фотографией Тамары: короткая стрижка, наушники на шее, рука закрывает микрофон от ветра.

— Музей говорит: всё, что мама записала на служебной работе, принадлежит им. Архив говорит: всё, что попало в столицу, принадлежит архиву. Теперь фонд говорит, наверное, что купит архив вместе с мамой. А мне что принадлежит?

— То, что перешло вам по наследству, не становится служебным только из-за темы записи. Но я не могу определить это за вас.

— Удобно.

— Неудобно было бы пообещать право, которого я не проверяла.

Лидия остановилась на тонкой тетради в клеённой обложке. Резинка на ней растрескалась. На первом листе рукой Тамары было написано: «Речной выход. Черновой журнал. Не сдавать вместо путевого».

Нина попросила разрешения прочитать только обложку вслух и записала точную надпись в опись.

— Вот за этим вы приехали, — сказала Лидия. — Вчера Валентина позвонила, спросила про журнал. Девять лет знала, где он, а вспомнила за час до вашего поезда.

— Музей считал его частью путевого пакета?

— Музей считает частью пакета всё, чего у него нет.

Лидия положила тетрадь перед Ниной, но ладонь не убрала.

— Сколько?

— Что именно?

— Сколько фонд платит за неё?

— У меня нет фонда на покупку. И я не знаю, можно ли продавать эту тетрадь отдельно от остальных документов.

— Значит, хотите взять бесплатно. Так музей делал.

Нина закрыла опись. Назвать журнал служебным означало снова отнять у матери работу; семейным — заранее решить происхождение ради доступа.

— Я хочу установить, связан ли журнал с К-1147. Для этого достаточно, чтобы вы разрешили осмотр здесь. Покупка не нужна.

— Осмотрели, переписали, ушли. У вас содержание, у меня тетрадь. Это и есть бесплатная покупка.

— Тогда назовите условия, при которых согласны показать его.

— Вы покупаете журнал. Деньги получаю я. Личные кассеты не трогаете. В архиве пишете: принадлежал Тамаре Лист, после её смерти — семье. Не музею.

— Последнее я могу записать как ваше заявление, но не как установленный факт. Связь с К-1147 тоже не подтверждена.

— Пока не заплатите, не подтвердится.

До музейного окна оставалось полчаса. Лидия могла спрятать журнал или продать фонду, но требовать срочного копирования оснований не было.

— За сколько вы готовы продать тетрадь мне лично? — спросила Нина.

Лидия назвала сумму, почти равную месячной зарплате архивиста.

— Почему столько?

— Потому что ваша знаменитая история десять лет приносила пользу всем, кроме человека, который её записал.

— Деньги за журнал не исправят этого.

— Я и не продаю исправление.

Нина открыла резерв на три месяца без работы. Покупка сократит его почти на треть и сделает проверяющего владельцем ключевого документа.

— Если я покупаю его, то только с письменным условием, что не приобретаю права на записанные в нём истории, — сказала Нина. — И передаю журнал на временное хранение

архиву до окончания проверки. После проверки он либо возвращается вам, либо принимается учреждением по отдельному акту. Я не смогу его перепродать фонду.

— Вы покупаете, чтобы вернуть?

— Я плачу за то, чтобы журнал не исчез в споре между музеем, архивом и фондом. Но право на содержание не возникает из оплаты бумаги.

— Тогда за что деньги?

— За саму тетрадь и ваше согласие передать её на ограниченное хранение. Не за кассеты. Не за голос вашей матери. Не за разрешение публиковать записи.

Лидия усмехнулась.

— У вас каждая вещь распадается на пять вещей.

— Иначе одна подпись начинает означать всё сразу.

Они составили расписку. Нина вписала название предмета, число листов без проверки содержания, повреждения и цену. Передача не включала права на записанные истории, персональные сведения, обнаружение и личные кассеты; до совместного осмотра журнал оставался закрытым.

— «Покупатель обязуется передать в архив», — прочитала Лидия. — Значит, я продаю вам, а получит архив.

— На временное хранение, не в собственность. Если происхождение не установим, верну вам журнал, а деньги останутся у вас.

— Почему?

— Потому что я покупаю риск утери, а не правильный ответ.

Лидия заменила «обязуется передать» на «может передать после совместной описи» и добавила запрет слушать и копировать кассеты без её письменного согласия. Нина согласилась: граница была важнее чистоты документа.

Банк запросил подтверждение крупного платежа. Пока Нина диктовала код роботу, Лидия вышла следом во двор.

— Она на этих кассетах не интервью берёт, — сказала она. — Говорит сама. Иногда про работу, иногда про меня. Я слушала одну. Больше не стала.

— Почему вы решили, что архив захочет их забрать?

— Потому что мама перед смертью сказала: если придут за речным выходом, не отдавай мой голос вместо бумаг. Я тогда не поняла. Думала, она боялась, что услышат, как ей тяжело дышать.

— Она упоминала К-1147?

— Номерами дома не говорила.

— Имя рассказчика?

— Нет.

— Можно зафиксировать её слова в моей описи?

— Зафиксируйте, что я это помню. Не что она так сказала. Я могла запомнить удобно для себя.

Нина записала обе фразы: воспоминание дочери и её сомнение в точности. Лидия прочитала и поставила инициалы.

Платёж подтвердился в восемь пятьдесят две. Нина уведомила Глеба и директора: журнал приобретён за её личные средства с ограничением прав и последующей совместной описью; копирования не было, личные кассеты в аудит не включены.

Глеб позвонил прежде, чем сообщение отмечилось доставленным.

— Вы купили предмет аудита?

— За личные средства и без прав на содержание.

— Теперь происхождение документа проверяет его собственник. Это конфликт интересов.

— Поэтому я не открываю журнал до совместной описи в музее. Собственность временная и ограниченная распиской.

— Верните его продавцу и оформите покупку фондом.

— Фонд не получит преимущество до установления режима.

— Архив тоже не получит. Держите журнал у себя, пока я пришлю форму депонирования. Не вскрывайте.

— Форму сначала проверит Марк. И Лидия должна согласиться на изменение условий.

— Вы уже распорядаетесь деньгами так, будто архив принадлежит вам.

— Я распорядилась своим резервом, потому что у аудита не было утверждённого бюджета на находки.

— И создали актив, который теперь можно потерять вместе с вами.

— Через восемь минут он будет внесён в опись музея. Без передачи владения.

Глеб потребовал фотографию каждой страницы сразу после вскрытия. Нина повторила: сначала нужно установить служебную связь и пределы разрешённого копирования. Спорным предметом теперь была не копия, а тетрадь в клеёночковой обложке.

В девять семь они вошли в музей. Валентина Сергеевна сразу потянулась к журналу.

— Нашёлся всё-таки.

Лидия прижала тетрадь к груди.

— Не ваш.

— Тамара писала его в командировке на музейной аппаратуре.

— Мать работала на районном радио, не в музее.

— Фонд радио передали нам.

— Аппаратуру передали. Домашние коробки вы не приняли.

Нина поставила между ними пластиковый лоток для документов.

— Сегодня мы не устанавливаем собственника окончательно. Нам нужно сопоставить журнал с путевым пакетом и зафиксировать разногласие. До этого тетрадь остаётся в руках Лидии.

В бывшей котельной стеллажи начинались на кирпичных подставках выше отметки воды. Заведующая принесла серую папку «Радиобригада. Неразобранное» с путевыми листами и актом возврата магнитофона.

На третьем путевом листе стояла подпись Тамары Лист и маршрут: Нижний Яр — переправа — Ветлы — Бережье. В графе «сданы материалы» было написано «катушки 4, путевой журнал 1», затем слово «путевой» зачёркнуто и над ним выведено «отчётный». Рядом другой рукой: «черновой у Т. Л.».

— Вот, — сказала Валентина Сергеевна. — Черновой журнал относится к фонду радио.

— Здесь установлено только, у кого он остался, — ответила Нина. — Основание не указано.

Лидия наклонилась к листу.

— Мама его не спрятала. Они знали.

Девять лет Лидия защищала коробки так, будто мать нарушила порядок. Помета превращала тайник в известное хранение, но не делала музей владельцем.

Нина внесла путевой лист, зачёркивание и разные почерки в опись. Музей заявил правопреемство фонда радио; Лидия письменно не признала передачу черновика.

Теперь тетрадь положили в лоток. Они пересчитали сорок восемь листов, отметили сырость и две страницы под ржавой скрепкой. Нина не стала читать записи целиком; требовалось найти строку с К-1147/0926.

Она оказалась на двадцать седьмом листе.

«Переправа, после закрытия. Мужчина, имя отдельно. Список вынесен не им. Пять мин. без разговора — не брак. До публикации спросить названных и С. К. Имена не ставить в общий отчёт».

Ниже стояло: «условия — на обороте».

Нина не перевернула лист.

— Почему остановились? — спросила Валентина Сергеевна.

— Мы устанавливали связь журнала с записью. Связь установлена. Дальше начинается содержание условий, для копирования которых нужно отдельное решение.

— Вы ради этого приехали.

— Да. Но цель не заменяет разрешение.

Лидия смотрела не на запись, а на почерк матери.

— Она всегда писала «не ставить», когда боялась, что всё равно поставят. На кассетах тоже может быть об этом.

— Кассеты остаются у вас, — сказала Нина.

— Даже теперь?

— Теперь особенно. Журнал подтвердил служебную связь конкретного документа. Он ничего не доказал о домашних записях.

Предложение оформить весь комплект в музей Лидия отвергла. Акт составили только на тетрадь: десять дней ограниченного хранения для проверки связи с К-1147; без отчуждения, публикации, передачи содержания фонду и вскрытия скреплённых листов. Музей получил копии титульной страницы, строки с номером и акта — но не оборота с условиями.

— Деньги останутся у меня, если журнал вернётся? — спросила Лидия.

— Да. Покупка и временное хранение — разные действия. Решение комиссии не лишит вас права спорить.

Лидия провела пальцем по растрескавшейся резинке.

— Мама бы отдала журнал. Она не отдала бы себя вместе с ним.

— В акте так и разделено.

Перед уходом Лидия проверила сумку: архивный диск был пуст, накопитель фонда запечатан, личных кассет не было.

На музейном крыльце Лидия протянула латунный ключ от коробки, где лежал журнал. Коробка оставалась у неё. Нина внесла ключ в акт как отдельный предмет, не дающий доступа к кассетам.

— Если услышите маму в чужом монтаже, не решайте по голосу, чего она хотела.

— Не решу.

— Я не вам верю. Я хочу, чтобы это было написано.

Нина добавила внизу: «Передача журнала не является согласием семьи на использование голоса Тамары Лист из любых записей». Лидия прочитала строку дважды и только тогда отдала журнал.

В руках Нины оказалась не история и не разрешение её рассказать. Только журнал, ключ и граница, сформулированная человеком, который не отдал ни одной кассеты.

Глава 7. Строка, вырезанная дважды

Коробку с журналом поставили в комнате, где музей обычно пересчитывал фотографии после выставок. На двери не было замка, поэтому Валентина Сергеевна принесла проволоку, plombир и табличку «Санитарная обработка». Табличка врала, пломба — нет.

Нина проверила номер на свинцовом кружке, записала его в акт и попросила Лидию первой провести проволоку через ручки шкафа. Лидия сделала это медленно, словно шкаф уже принадлежал кому-то другому и любое уверенное движение могло быть принято за согласие.

— До завтра? — спросила она.

— До согласованного осмотра оборота. Сегодня нужно определить участников и пределы записи.

— Участники уже здесь.

Валентина Сергеевна стояла у окна, прижимая к груди музейную папку. Нина держала ключ от коробки. Лидия сохраняла право прекратить осмотр. Но четвёртый участник находился в столице и считал, что оплата поездки даёт ему место за столом.

Телефон Нины снова завибрировал. Глеб прислал форму депонирования и требование открыть видеосвязь во время вскрытия. Нина отказалась: в кадр могли попасть строки, на передачу которых согласия не было. Они записали условия осмотра: только оборот листа двадцать семь, без чтения соседних страниц и фотографирования; при обнаружении имён — закрыть их нейтральной бумагой. Лидия добавила, что молчание участника не считается согласием продолжать.

Глеб позвонил, когда последняя строка ещё сохла.

— В форме нет представителя фонда.

— У фонда нет установленного права на содержание журнала.

— У фонда есть договор на аудит приобретаемого архива.

— Аудит не превращает неизвестное содержание в имущество покупателя.

— После осмотра я сообщу, меняет ли запись режим использования. Дословный текст передам только при наличии основания.

— Вы покупаете документ, увозите его из дома, закрываете в муниципальном шкафу, а теперь объявляете себя границей между фондом и содержанием. Чем это отличается от присвоения?

Вопрос был точным. Нина почувствовала желание ответить быстрее, чем успеет его обдумать.

— Тем, что граница записана, ограничена сроком и может быть остановлена держателем.

— Держатель продал вам журнал.

— Вещь. Не каждую возможность её использовать.

— Завтра в девять жду заключение. Без него командировка прекращается.

— Заключение будет о режиме, а не пересказом оборота.

Глеб отключился.

Лидия взяла второй экземпляр условий.

— Он правильно спросил.

— Да.

— И вы всё равно откроете.

— Только если вы завтра подтвердите согласие. Можете отказаться.

— Тогда вы уедете с закрытым журналом, который купили у меня.

— Верну журнал вам. Проверка остановится на установленной связи с записью.

— В девять, — сказала Лидия. — Но если там про мать, вы не будете делать из неё ещё одного рассказчика.

Ночью в комнате над аптекой Нина открыла служебную копию исходного интервью. Ей требовалась только последовательность редакций.

В исходнике мужчина говорил: «Список вынес. Только это не значит, что я их вынес». После короткого шума воды называл три фамилии и добавлял: «Имена пока не ставьте. Сначала спросите тех, кто жив, и Серафиму. Не надо, чтобы они узнали из радио».

В раннем радиомонтаже отрицание исчезало. Три фамилии оставались, но перед ними диктор говорил: «Благодаря спасённому списку семьи получили весть». Оговорка начиналась словами «Имена пока...» и обрывалась склейкой. На монтажном листе рядом стояло: «сокр. повтор условий».

Нина нашла свою рабочую сессию четырёхлетней давности. Тогда архив готовил цифровую выставку, а она восстанавливала материал по лучшей доступной копии. Ей не дали исходную катушку: плёнку берегли до оцифровки. На дорожке лежал тот же радиомонтаж, но в конце сохранился отдельный фрагмент, не вошедший в эфир.

Нина нажала воспроизведение.

«...спросите тех, кто жив. Если согласятся, имена нужны. Если нет — оставьте список там, где он есть».

Она помнила этот голос. Помнила серый ползунок, который двигала мышью. Помнила, почему убрала фразу: выставочная версия должна была заканчиваться перечнем имён, а просьба о согласии разрушала финал и требовала проверки, на которую не оставалось времени.

В рабочем комментарии она написала: «Уточнение про первоначальную радиопубликацию, неактуально после многолетнего открытого использования».

Не прежний редактор вырезал строку второй раз. Нина получила её уже после первой склейки, увидела смысл и решила, что поздняя известность рассказа отменила раннее условие.

В публичной карточке стояли двенадцать фамилий: три из записи и девять добавленных по музейному списку. Эту страницу Глеб показывал инвесторам как доказательство пользы архива.

Нина создала локальную запись нарушения, но не нажала синхронизацию. В графе «лицо, изменившее режим» поставила своё имя. В графе «основание» — рабочий комментарий из сессии. В графе «последствие» сначала написала: «просьба рассказчика не исполнена».

Фраза была слишком удобной. Она позволяла представить нарушение забывчивостью.

Нина заменила её: «редактор прочитал просьбу о согласовании имён, признал её неактуальной без проверки и удалил из публичной версии; имена опубликованы».

Пострадавших Нина указала без догадок: названные в записи, их семьи, Серафима Край и рассказчик; состав и позиции не установлены. Первый редактор скрыл просьбу до эфира. Нина увидела её после многолетней публикации и объявила устаревшей. Второе удаление не было невиннее оттого, что случилось позже.

Утром в музее пахло мокрой известью. Лидия пришла с собственным блокнотом и маленьким зеркалом на ручке.

— Это зачем? — спросила Валентина Сергеевна.

— Смотреть оборот, не перегибая лист.

Нина проверила зеркало: обычное, без камеры. Идея была хорошей. Лист двадцать семь держался на двух проржавевших скобах; переворачивать его полностью значило тянуть ослабленную бумагу.

Они сверили пломбу, сняли проволоку и открыли коробку. Нина положила поверх соседней страницы лист плотной бумаги. Валентина Сергеевна подтвердила почерк Тамары по букве «д» с длинной верхней петлёй и привычке ставить дату между двумя косыми чертами. Лидия не стала подтверждать почерк матери вообще — только сказала, что не видит явного отличия.

Зеркало ввели под край листа. Первые две строки читались наоборот. Нина переписала их на черновую полоску справа налево, не произнося вслух:

«С. К. согласна передать список после сверки семей. Рассказчик просит не называть спасённых до их согласия. Для общего выпуска — без имён».

Ниже шла приписка меньшими буквами:

«Если попросят сами — записать отдельно».

Лидия смотрела на лицо Нины.

— Там про мать?

— Нет. Есть условия рассказчика и человека с инициалами С. К.

— Имена?

— Новых имён нет. Инициалы уже были в описи.

— Это меняет использование записи? — спросила Валентина Сергеевна.

— Да. Общий выпуск должен был быть без имён. Для отдельной записи требовались просьбы самих людей.

— Но люди потом сами приходили в музей. У нас целая книга отзывов.

— Это может подтвердить отдельные решения, не общее согласие задним числом.

Лидия забрала у Нины черновую полоску, прочитала и положила на стол.

— Почему вы побледнели? Вы ведь ожидали запрет.

Вместо ответа Нина открыла временные метки трёх фрагментов, не воспроизводя звук.

— Ранний редактор вырезал начало этой просьбы перед радиоэфиром. Но продолжение сохранилось в рабочем материале. Четыре года назад его нашла я.

— И вернула? — спросила Лидия.

— Нет. Убрала снова.

Валентина Сергеевна перестала держать музейную папку у груди и положила её на подоконник.

— Потому что не знали про журнал?

— Я знала достаточно. Решила, что после многолетней публикации просьба уже не имеет значения.

— А имена добавили вы? — спросила Лидия.

— Девять из двенадцати — наша выставочная группа. Решение утвердила я.

Лидия закрыла зеркало ладонью.

— Вы приехали искать человека, который присвоил историю.

— Одного такого человека я уже установила.

— И что теперь будет с вами?

— Это должна решить комиссия после фиксации. Но сначала нужно остановить дальнейшее использование имён и связаться с теми, кого можно установить.

— Фонд узнает?

— Узнает о нарушении и о том, что режим требует пересмотра. Сам текст оборота пока не получит.

— Очень бережно с собой обходитесь.

— Поэтому протокол прочтёте вы обе, — сказала она. — В нём будет моё действие без смягчения. Копия останется у вас. Если я передам фонду другую версию, расхождение будет видно.

В протоколе Нина описала способ осмотра, смысл условия без дословной цитаты и две склейки.

Когда Нина дошла до собственной, Лидия остановила её карандашом.

— «Не включила сохранившуюся оговорку». Так будто места не хватило.

Нина зачеркнула.

— «Удалила»?

— Вы сами сказали: увидели смысл и решили, что он устарел.

Нина написала именно так.

Валентина Сергеевна добавила, что музей расширил выставочный список по книге памяти, не собирая отдельных разрешений у семей, поскольку считал публикацию мемориальной. Она долго смотрела на слово «считал», потом подписала.

Лидия подписывать не спешила.

— А страницу выставки вы можете убрать сейчас?

У Нины оставался доступ редактора. Командировка ещё не была прекращена, решение комиссии не требовалось для временного ограничения спорного материала. Она могла скрыть карточку целиком, но тогда исчезли бы и обращения семей, которые позже могли подтвердить собственную инициативу.

— Закрою публичный доступ, сохранив журнал обращений отдельно от разрешений, — сказала она. — Ни одно обращение не буду считать согласием автоматически.

Она закрыла карточку до проверки оснований, указала номер протокола и своё нарушение. Система предупредила: изменение будет передано покупателю при синхронизации.

Глеб позвонил через сорок секунд.

— Вы закрыли самую посещаемую страницу архива.

— На ней опубликованы имена без подтверждённого согласия.

— Это установлено журналом?

— Журналом и сохранившимся звуковым фрагментом, который я удалила из выставочной версии.

На том конце наступила тишина.

— Повторите.

— Четыре года назад я слышала просьбу сначала спросить живых. Признала её неактуальной из-за давности публикации, убрала фрагмент и расширила список имён. Сегодня журнал подтвердил, что просьба была условием общего выпуска.

— Вы знали о дефекте согласия до начала продажи?

— Я знала фразу. Дефектом её не считала. Это решение было ошибочным и теперь внесено в журнал использования.

— Пришлите оборот.

— Фотографии нет. Осмотр проведён без копирования.

— Тогда дословную расшифровку.

— Нет основания. Вы получите протокол о режиме и факте нарушения. Журнал опломбирован в музее, протокол подписывают три стороны, моя рабочая сессия указана в карточке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.